

ПРОБЛЕМА УРБАНИЗМА У ДРЕВНИХ МАЙЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена историографическому анализу проблемы майяского урбанизма, которая оказалась в центре дебатов исследователей на рубеже XX–XXI вв. Дискуссия о существовании города в Мезоамерике в 1990-е гг. переросла в поиск отличительных черт городских центров. В рамках структурного и функционального подходов были предложены разные критерии отличия города от сельской округи, в целом делающие упор на наличие особых институтов и определенных занятий жителей. Низкая плотность населения в Мезоамерике обуславливала аграрный характер урбанизма. В целом за четверть века плодотворных дискуссий был сделан отход от универсальных определений города и урбанизма в сторону признания их разнообразия.

Ключевые слова: Мезоамерика, майя, город, аграрный урбанизм, археология.

История изучения урбанизма в обществе древних майя прошла длительный путь. На протяжении первой половины XX в. была популярна концепция «ритуальных центров» Э. Томпсона, согласно которой у майя отсутствовали города. Археологические открытия 1960-х гг. поставили этот постулат под сомнение, что вылилось в длительную дискуссию о мезоамериканском урбанизме, подробно проанализированную В.И. Гуляевым¹.

В 1977 г. американский антрополог Ричард Фокс предложил концепцию «городской антропологии». Он опирался на функциональный подход и назвал городом центральное место, где осуществляются специализированные по отношению к округе функции. Он отверг такие критерии, как величина и плотность населения, и предложил функциональную типологию городских поселений, выделив пять типов: регально-ритуальный, административный, торговый, колониальный и индустриальный город².

Спустя десятилетие концепция Фокса была применена к мезоамериканскому материалу У. Сандерсом и Д. Вэбстером³. Авторы видели традицию урбанизма в Мезоамерике значительно отличающейся от традиции Старого Света, однако признали применимость термина «город» к поселениям майя. Они использовали функциональный анализ Фокса к доиндустриальным городам, однако немного изменили его модель. Особое внимание было уделено плотности и концентрации населения, размерам и внутренней гетерогенности центров в отношении экономических функций, богатства, политической власти и групповой принадлежности. Сандерс и Вэбстер пришли к выводу, что мезоамериканские города можно отнести к двум первым типам из классификации Фокса. Регально-ритуальными были названы все центры доклассического периода, города майя классического и постклассического времени, административные города возникли только в долине Мехико.

Идеи Сандерса и Вэбстера получили широкое распространение среди археологов-майянистов и в то же время стали предметом дискуссии. Археологи Арлен и Диана Чейз и Уильям Хэвиленд направили свою критику на недооценку роли, ремесла и торговли в городах майя⁴. На археологическом материале Тикаля и Караколя они доказывали, что эти два города можно рассматривать как административные, поскольку ремесленное производство не было связано с элитой. В городах майя, добавляют они, существовали различные административные зоны со своим иерархичным распределением товаров и, следовательно, центры майя не вписываются ни в один из предложенных Фоксом типов. Однако следует заметить, что подход Фокса, положенный в основу исследования Сандерса и Вэбстера, функциональный, а не морфологический, и выделение только одной доминирующей функции города в обществе не означает, что прочие функции отсутствовали.

В рамках предложенного функционального подхода и культурно-эволюционистской теории было осмыслено большинство археологических исследований 1990–2000-х гг. Существенный сдвиг был сделан в проблематике исследований, ознаменовавшийся отходом от универсальных определений города и урбанизма в сторону признания их разнообразия. Археологи подвергли критике определения города, основанные на больших размерах или наличии определенного набора характерных черт⁵. Вместо этого были разработаны более гибкие определения города, благодаря которым многие общества были названы «городскими».

Одним из самых заметных исследований в русле функционального подхода стал сборник, выпущенный в 2001 г. под эгидой Ис-

панской ассоциации исследований майя по результатам круглого стола по вопросам города и урбанизма⁶.

Теоретическая статья Вебстера и Сандерса показывает, что в целом они остаются верными своей концепции, лишь уточняя, что ключевой элемент формирования и развития города в Мезоамерике составляли экономическая специализация и симбиоз между поселениями, расположенными в разных экологических условиях. Это отражается в формировании рынков, системы транспорта, специализированной торговли. Не менее важным они продолжают считать демографический фактор, поскольку только большое население позволяет трансформировать окружающий пейзаж и осуществлять военную экспансию. Однако возникновение полноценных городов признается только для Центральной Мексики (Теотиуакан, Тула, Тлашкала, Чолула, Тескоко и Теночтитлан), тогда как центры майя (Копан, Паленке, возможно Пьедрас-Неграс, Тикаль, Калакмуль), по мнению авторов, всего лишь обладают «городскими чертами». У этих центров отсутствуют такие фундаментальные черты городов, как большой размер и плотность населения, программы трансформации окружающего ландшафта, сельскохозяйственная инженерия, разнообразный социальный состав, экономическая и торговая специализация, развитая система транспорта. Таким образом, при комбинации внутри одной категории центров большого и маленького размера с разным уровнем сложности внутренней структуры майяские центры оказываются вне категории города⁷.

Критерии размера и плотности населения были раскритикованы разными авторами в рамках этой же дискуссии⁸. Гватемальский археолог Х.П. Лапорте предложил опираться на эмпирические результаты, полагая, что внутренняя композиция центров более важна, чем такие показатели, как размер, плотность или численность населения. Он выбрал четыре архитектурных составляющих: комплекс Е-группы, акрополь, стадион для игры в мяч и внутренние дороги-сакбе. Наличие этих четырех элементов вне зависимости от их размера и формы позволяет, с его точки зрения, говорить о городе и в целом вносит вклад в определение городских характеристик⁹.

Таким образом, дискуссия о майяском урбанизме столкнулась с вопросом о том, что называть городом и наличие каких критериев позволяет использовать это определение в описании центров. Вниманию исследователей начала XXI в. оказалось сосредоточенным на чертах, которые отличают городские центры от сельских.

Некоторые археологи делают упор на отличие городских жителей в соответствии с их занятиями, опытом, сложностью социальных

взаимоотношений, возможностей и конфликтов¹⁰. Другие обратили внимание на город как на сосредоточие политической власти¹¹. Функцией города как политического центра является интеграция большого сообщества посредством разнообразных политических, экономических или религиозных функций. Такой взгляд на город и его функции стал возможен с увеличением корпуса прочитанных текстов. С. Хаустон и его коллеги сделали вывод, что политическая слабость последних правителей Пьедрас-Неграса и последующий захват города стали показателем упадка основного института политической системы майя, системы, в центре которой находилась царская власть и слабость которой могла повлиять на все стороны жизни. Политическая система майя центрировалась практически эксклюзивно на институте царской власти и дворце, а также публичных и частных пространствах, где проводились ритуалы, обосновывающие царскую власть¹². На первый план выходят административная и ритуальная функции. В таком случае крупнейшие центры майя можно рассматривать как гигантские царские жилые группы с функциями царского двора¹³ и основным местом его пребывания, что в целом совпадает с категорией регально-ритуальных городов Фокса.

Другую модель для понимания природы города майя предложили использовать супруги Чейз. В ряде статей они выразили свое несогласие с возможностью применения концепции Фокса для Мезоамерики¹⁴. В качестве альтернативы они предлагают использовать модель пригородных центров (*edge-city*) Дж. Гарро¹⁵, описывающую системы с социальной, политической и экономической децентрализацией, аналогичные существовавшим в области майя. Согласно этой модели, на небольшом расстоянии от города образуются небольшие центры со своими рынками и администрацией, которые органически связаны с основным городом. Супруги Чейз применили эту модель к археологическому материалу древнего города майя Караколь (Белиз).

Идеологическое и политическое управление было сосредоточено в монументальном центре Караколя площадью 8 кв. км, который окружен поясом жилой зоны и соединен с ним посредством системы радиальных дорог. Эти дороги вели в жилые группы, которые аналогичны пригородным центрам в модели Дж. Гарро. В процессе разрастания города эти жилые группы, а также находящиеся в жилой зоне сельскохозяйственные участки и террасы, поглощались и ассимилировались. Размышляя дальше о структуре майяских центров, супруги Чейз применили еще одну модель современного индустриального города на мезоамериканском материале. Согласно

концентрической модели Э. Бёрджеса, богатый эпицентр окружен бедной периферией, на некотором отдалении от которой располагаются сравнительно богатые поселения, соединенные с центром сетью дорог. Между ними проживает население со средним достатком. Чейзы продемонстрировали жизнеспособность этой схемы на примере Караколя, используя данные археологии и анализа палеодиеты и костных останков.

Город и округа под его политическим контролем находятся в центре внимания исследований в рамках функционального подхода и культурно-эволюционистской теории. Возникновение, развитие и упадок городов часто рассматриваются как часть культурной эволюции государств, и урбанизм в таком случае понимается как компонент функционирования государственных систем.

Другой подход к урбанизму предполагает учитывать присутствие человека в городской среде со всеми его действиями, интересами и эмоциями. Это отодвигает исследователя от абстрактного структуралистского видения города как сосредоточия политической, экономической и культурной власти, с определенными функциями для интеграции больших социальных систем. Однако обычно агентом действия становится человек из верхних слоев общества, в то время как общинники, женщины и люди за пределами политических центров рассматриваются как пассивные участники политического процесса. Фокусирование на элите как агенте социальных изменений в зарождении и развитии мезоамериканских городов – это часть общей тенденции игнорирования политического значения и вклада городских общинников и людей за пределами главных центров. К сожалению, пока этот подход был более-менее опробован только на материале Монте-Альбана и астеков¹⁶.

Более активное участие широких слоев общества в политических и урбанизационных процессах признается исследователями, которые испытали влияние постструктуралистских и феминистских теорий власти и идентичности в археологии¹⁷. С этой точки зрения социальные и политические образования, такие как древние города и политии, понимаются как результат непрерывных социальных отношений, закрепленных в сложившейся традиции и одновременно воспроизводящих её. Обычаи, уклад жизни, культурные и материальные условия, которые обуславливают социальные институты и формируют городской пейзаж, всегда являются результатом договоренностей и уступок между людьми разного положения, отличающимися разными интересами, эмоциями, знаниями, перспективами и настроениями¹⁸. Соответственно в городах подобные взаимодействия более концентрированы, интен-

сивны и бескомпромиссны. При таком подходе городская жизнь рассматривается как непрерывный процесс, а не результат функционирования стабильных структур, перемежающийся краткими периодами изменений. На первый план выходят именно взаимоотношения между городской элитой и жителями пригородных поселений и способы влияния на последних. Дж. Йегер рассматривает эту проблему на примере города Шунантунич (Белиз) в терминальную фазу классического периода (830–1000 гг.). Он выделяет три аспекта города: 1) город как связующее звено в более широкой социальной и политической сети; 2) город как физическое место; 3) город как символ более широкого воображаемого сообщества, основанного на существовании «шунантуничской идентичности». Таким образом, город оказывался связан с округой идеей общей идентичности, однако сама эта идея была продуктом договоренностей между правителем, местными лидерами общин и жителями округа. Главную роль здесь играл ритуал, посредством которого подтверждался и закреплялся традиционный ход вещей, а также разрешались возникающие противоречия¹⁹.

К похожим выводам пришли супруги Чейз, в ряде статей обозначив черты «каракольской идентичности», которые в основном заключаются в форме и декоре ритуальных предметов²⁰. Среди отличительных черт они выделяют специфическую форму сосудов, закладываемых в ритуальные тайники, преимущественное использование морских раковин для орнаментации, украшение зубов, экстенсивное использование гробниц и широкое распространение курильниц для копала. С. Хаустон и его коллеги на материалах Пьедрас-Неграса (Гватемала) обосновывают тезис, что общая идентичность фокусировалась на церемониальном центре и правящей династии. И хотя религия была важным способом легитимации неравенства, в основном социальная связь между правителями и управляемыми была результатом договоренности между ними и основание майяского города способствовало укреплению этой связи²¹.

Несмотря на попытки исследователей мезоамериканского урбанизма обратиться к человеческой природе и ввести в анализ фактор межличностных отношений, в целом исследование по-прежнему ведется в русле двух подходов: демографического и функционального. С позиций демографического подхода городами должны считаться большие центры с высокой плотностью населения. В таком случае мезоамериканские, а также многие африканские и азиатские центры не попадают в эту категорию. Функциональный подход предполагает наличие особых функций и институтов, отличающих город от негородских поселений²².

На рубеже 2000–2010-х гг. происходит новый рост интереса к функциональным моделям города. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был Роланд Флетчер, который выделил группу городов тропических областей (древние кхмерские, майяские и города юго-восточной Азии), обладающую рядом специфических характеристик²³. Это центры с многочисленными монументальными постройками, вокруг которых на большой площади раскинулись однородные поселения с низкой плотностью населения и со значительной долей сельскохозяйственного изменения ландшафта. Флетчер назвал этот феномен аграрным урбанизмом с малой плотностью населения (*low-density agrarian urbanism*)²⁴. Несмотря на совмещение в этом определении, казалось бы, противоположных понятий («аграрный» и «урбанизм»), схожие идеи высказывались и раньше, в ходе дискуссий об урбанизме майя в 1970-е гг. В частности сохранения связи городского населения с сельским хозяйством считал характерной чертой городов майя В.И. Гуляев²⁵.

Модель Флетчера на мезоамериканском материале развили шведский археолог К. Изендаль и американский археолог и урбанист М. Смит²⁶. Базируясь в значительной степени на материалах собственных археологических исследований (майяский памятник Шуч на Северном Юкатане, поселения астекской эпохи в Морелосе и крупный постклассический город Калиштлауака), они привлекли и сравнительные данные по другим неевропейским обществам и пришли к выводу, что под определение Флетчера попадает значительно больше примеров, чем привел сам автор. Так, к этой категории относятся многие ранние города Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

В рамках предложенной модели мезоамериканский урбанизм описывается как самодостаточный и устойчивый, что обеспечило его существование в течение длительного периода времени. И в астеках, и в майяских городах отмечается низкая плотность населения, во многом обусловленная использованием городских территорий для занятий сельским хозяйством. Это обеспечивало социальную и экономическую стабильность, гарантировало независимость от поставок продовольствия, что было чрезвычайно важно в условиях отсутствия тягловых животных и колесного транспорта. Еще одна важная черта аграрного урбанизма – это практика мелкоземледельческого интенсивного использования земель. Это позволяло жителям контролировать свои участки на местном уровне, а также некоторые аспекты социальной жизни. Идея существования в Мезоамерике аграрного урбанизма с малой плотностью населения находит поддержку у всё большего количества исследователей²⁷.

Работы Изендала и Смита обозначили важную веху в историографии мезоамериканского урбанизма. Впервые за последние 50 лет была сформулирована идея о единой природе урбанизма в Мезоамерике и отсутствии принципиальных различий между городами майя и Центральной Мексики. Начиная с работ У. Сандерса и других представителей школы «культурной экологии» в 1960-е гг. практически все исследователи полагали, что степень урбанизации в Центральной Мексике была гораздо выше, чем в низменностях майя. Однако этот постулат основывался на данных по двум крупнейшим мегаполисам Центральной Мексики – Теотиуакану и Теночтитлану, – которые были столицами крупнейших доиспанских империй. При сравнении городов майя со «стандартными» городами Центральномексиканского нагорья различия оказываются не настолько существенными. Таким образом, предложенная Изендалем и Смитом смена масштаба исследования открывает новую перспективу в изучении городов майя.

Примечания

- ¹ См.: *Гуляев В.И.* Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979.
- ² См.: *Fox R.* Urban Anthropology: Cities in Their Cultural Settings. Englewood Cliffs, NJ, 1977.
- ³ См.: *Sanders W., Webster D.* The Mesoamerican Urban Tradition // *American Anthropologist*. 1988. Vol. 90 (3). P. 521–546.
- ⁴ См.: *Chase A.F., Chase D.S., Haviland W.A.* The Classic Maya City: Reconsidering the Mesoamerican Urban Tradition // *American Anthropologist*. 1990. Vol. 92 (2). P. 499–506.
- ⁵ См.: *Smith A.T.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley: University of California Press, 2003; *Smith M.E.* City Size in Late Postclassic Mesoamerica // *Journal of Urban History*. 2005. Vol. 31. P. 403–434; *Cowgill G.L.* Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // *Annual Review of Anthropology*. 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- ⁶ См.: *Reconstruyendo la ciudad maya: el urbanismo en las sociedades antiguas* / Ed. by A. Ciudad Ruiz, M.J. Iglesias Ponce de Leon, M.D.C. Martínez Martínez. Madrid, 2001.
- ⁷ См.: *Webster D., Sanders W.* La antigua ciudad mesoamericana: teoría y concepto // *Reconstruyendo la ciudad maya...* P. 43–64.
- ⁸ См.: *Michelet D., Becquelin P.* De Río Bec a Dzibilchaltún: interrogaciones acerca de la ciudad clásica desde la perspectiva de Yucatán central y septentrional // *Ibid.*

- P. 211–252; *Laporte J.P.* Dispersión y estructura de las ciudades del Sureste de Peten, Guatemala // *Ibid.* P. 137–162; *Espinosa U.* El modelo romano de la ciudad en la construcción política del Imperio Romano // *Ibid.* P. 163–182.
- ⁹ См.: *Laporte J.P.* Op. cit. P. 141.
- ¹⁰ См.: *Cowgill G.L.* Op. cit.; *Chase A.F., Chase D.Z.* Ancient Maya Urban Development: Insights from the Archaeology of Caracol, Belize // *Journal of Belizean Studies.* 2007. Vol. 29 (2). P. 60–71; *Hansen M.H.* A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000.
- ¹¹ См.: *Smith M.E.* Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // *Journal of Planning History.* 2007. Vol. 6. P. 3–47; *Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.
- ¹² См.: *Ciudad Ruiz A.* Los palacios residenciales del Clásico Temprano en las ciudades del Sur de las Tierras Bajas Mayas // *Reconstruyendo la ciudad maya...* P. 305–340; *Inomata T.* The classic maya palace as a political theatre // *Ibid.* P. 341–362.
- ¹³ См.: Royal courts of ancient maya: In 2 vols / Ed. by T. Inomata, S. Houston. Boulder, CO, 2001.
- ¹⁴ См.: *Chase A.F., Chase D.Z., White C.* El Paisaje Urbano Maya: La Integracion de los Espacios Construidos y la Estructura Social en Caracol, Belice // *La Ciudad Antigua: Espacios, Conjuntos e Integracion Sociocultural en la Civilizacion Maya* / Ed. by A. Ciudad Ruiz. Madrid, 2001. P. 95–122.; *Chase A.F., Chase D.Z.* En Medio de la nada, en el centro del universo: Perspectivas sobre el desarrollo de las ciudades Mayas // *Nuevas Ciudades, Nuevas Patrias: Fundacion y Relocalizacion de Ciudades en Mesoamerica y el Mediterraneo Antiguo* / Ed. by M.J. Iglesias Ponce de Leon, R. Valencia Rivera, A. Ciudad Ruiz. Madrid, 2006. P. 39–64; *Idem.* Ancient Maya Urban Development: Insights from the Archaeology of Caracol, Belize // *Journal of Belizean Studies.* 2007. Vol. 29 (2). P. 60–71.
- ¹⁵ См.: *Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.
- ¹⁶ См.: *Balkansky A.K.* Origin and collapse of complex societies in Oaxaca (Mexico): evaluating the era from 1965 to the present // *Journal of World Prehistory.* 1998. Vol. 12 (4). P. 451–493; *Joyce A.A., Winter M.* Ideology, Power and Urban Society in Pre-Hispanic Oaxaca // *Current Anthropology.* 1996. Vol. 37. P. 33–47; *Marcus J., Flannery K.V.* Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley. L.: Thames and Hudson, 1996; *Spencer C.S., Redmond E.M.* Multilevel selection and political evolution in the Valley of Oaxaca, 500–100 B.C. // *Journal of Anthropological Archaeology.* 2001. Vol. 20. P. 195–229; *Smith M.E.* Aztec City-State Capitals. Gainesville, FL: University Press of Florida, 2008.
- ¹⁷ См.: *Ashmore et al.* Commoner Sense: Late and Terminal Classic Social Strategies in the Xunantunich Area // *The Terminal Classic in the Maya Lowlands: Collapse, Transition, and Transformation* / Ed. by A.A. Demarest, P.M. Rice, D.S. Rice. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2004. P. 302–323; *Hutson et al.* City, Site, and Community: Nucleation and Dispersion at Chunchucmil and Classic Period

- Maya Urban Centers // *Journal of Field Archaeology*. 2008. Vol. 33 (1). P. 19–40; *Joyce A.A.* Sacred space and social relations in the Valley of Oaxaca // *Mesoamerican Archaeology*. Oxford, 2004. P. 192–216; *Robin C.* Outside of houses: The practices of everyday life at Chan Nòohol, Belize // *Journal of Social Archaeology*. 2002. Vol. 2. P. 245–268.
- ¹⁸ См.: *Joyce A.A.* Theorizing urbanism in Ancient Mesoamerica // *Ancient Mesoamerica*. 2009. Vol. 20. P. 189–196.
- ¹⁹ См.: *Yaeger J.* Untangling the Ties That Bind: The City, the Countryside, and the Nature of Maya Urbanism at Xunantunich, Belize // *The Social Construction of Ancient Cities*. Washington, DC, 2003. P. 121–155.
- ²⁰ См.: *Chase D.Z.* Albergando a los Muertos en Caracol, Belice // *Los Investigadores de la Cultura Maya*. 1998. Vol. 6 (1). P. 9–25; *Chase A.F.* Politics, Politics, and Social Dynamics: “Contextualizing” the Archaeology of the Belize Valley and Caracol // *The Archaeology of the Belize Valley: Half a Century Later* / Ed. by J. Garber. Gainesville, FL, 2004. P. 320–334; *Chase A.F., Chase D.Z.* Archaeological Perspectives on Classic Maya Social Organization from Caracol, Belize // *Ancient Mesoamerica*. 2004. Vol. 15. P. 111–119; *Chase D.Z., Chase A.F.* Que no nos Cuentan los Jeroglificos?: Arqueología e Historia en Caracol, Belice // *Mayab*. 2008. Vol. 20. P. 93–108.
- ²¹ См.: *Houston S. et al.* The Moral Community: Maya Settlement Transformation at Piedras Negras Guatemala // *The Social Construction of Ancient Cities*. P. 212–253.
- ²² Подобную функциональную модель предложил В.И. Гуляев.
- ²³ См.: *Fletcher R.* Low-Density, Agrarian-Based Urbanism: A Comparative View // *Insights*. 2009. Vol. 2 (4). P. 2–19.
- ²⁴ Ibid. P. 5.
- ²⁵ См.: *Гуляев В.И.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Isendahl C., Smith M.E.* Sustainable agrarian urbanism: The low-density cities of the Mayas and Aztecs // *Cities*. 2013. Vol. 31. P. 132–143.
- ²⁷ См.: *Fletcher R.* Low-density, agrarian-based urbanism: scale, power, and ecology // *The Comparative Archaeology of Complex Societies* / Ed. by M.E. Smith. N.Y., 2012. P. 285–320; *Scarborough V.L., Chase A.F., Chase D.Z.* Low-Density Urbanism, Sustainability, and IHOPE-Maya: Can the Past Provide More than History? // *UGEC Viewpoints*. 2012. Vol. 8. P. 20–24.